

И.Г. Силина

**Архивно-следственные дела
как источник по профессиональному
составу населения Алтайской губернии
в 1919–1930 гг.***

Архивно-следственные дела отличаются особой спецификой по своему содержанию, форме и доступу к содержащейся в них информации. С конца 1980-х гг. тема репрессий стала активно подниматься в работах отечественных и зарубежных исследователей. В значительной степени это было связано с изменениями в общественно-политической ситуации в стране. Начались радикальный пересмотр дел репрессированных и поэтапный процесс массовой реабилитации. Внимание исследователей было, в частности, обращено на произошедшую профессиональную деформацию и насильственную смену трудовых навыков репрессированных, изъятие огромных масс людей из привычной для них системы трудовых отношений. Различным социально-экономическим проблемам, анализу трудовых отношений этого периода посвящены исследования Л.И. Бородкина, А.А. Ильюхова, П.М. Поляна и других исследователей¹.

---

* Исследование поддержано Российским гуманитарным научным фондом (грант № 08-01-00334а) и грантом Президента Российской Федерации (№ МК-3546.2007.6).

Для анализа профессионального состава период с 1919 по 1930 г. был выбран не случайно. В ходе постреволюционных событий, неизбежного, хотя и весьма медленного процесса индустриализации стали появляться новые профессии и занятия, в то же время наблюдается процесс отмирания старых профессий, изживших себя в силу отсутствия на них спроса, переименования в соответствии с новыми требованиями и идеологическими установками. В этом отношении архивно-следственные дела 1919 – 1930 гг. являются весьма информативным источником по истории профессий и занятий в России, их трансформации в первое 30-летие XX в.

Основной состав архивно-следственных дел жертв политических репрессий включает следующий видовой состав документов:

— ордер на арест, обыск, выемку документов (выдаваемый чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности);

— арестный лист;

— удостоверения личности и анкетно-регистрационные данные:

А) временное трудовое свидетельство для буржуазии;

Б) анкета для регистрации служащих культа всех исповеданий;

В) анкета для интеллигенции;

Г) регистрационный лист иностранных подданных, находящихся на территории РСФСР;

Д) анкета для арестованных и задержанных с зачислением за ОГПУ;

— порядок допроса;

— протокол допроса;

— выписка из протокола о рассмотрении (пересмотре) дела по обвинению;

— характеристика на арестованного или обвиняемой группы лиц;

— постановление о принятии дела к производству;

— постановление Коллегии Алтайской губернской чрезвычайной комиссии о признании виновности или невинности задержанного лица;

— заключение следователя (военследователя) с резолюцией начальника особого отделения при дивизии (начособотделения);

— заявление на пересмотр дела;

— регистрационная карточка репрессированного от Отдела принудительных работ НКВД.

В условиях существующего идеологического прессинга некоторые профессии рассматривались как неблагонадежные и подвергались более пристальному вниманию. В различном видовом составе документов архивно-следственных дел наибольший интерес для нас представляют документы, содержащие информационные поля, которые дают возможность выявить род занятий обвиняемых, свидетелей, а также уровень их образования и происхождение (указывалась сословная принадлежность или профессиональная деятельность главы семьи).

Арестный лист заводился на основании ордера на арест обвиняемого. Как правило, номер арестного листа не указывался, а проставлялся номер ордера, по которому был арестован человек. Арестный лист состоял из 10 информационных полей:

1. Фамилия.
2. Имя и отчество.
3. Количество лет («сколько лет»).
4. Где проживает.
5. Чем занимался.
6. Профессия.
7. Когда арестован.
8. Где арестован.
9. За что арестован.
10. Что отобрано при обыске.

Арестный лист заполнялся со слов арестованного и заверялся в итоге его подписью. Изредка в анкетах проставлялось, куда направлялся задерживаемый для содержания. Подпись дежурного, заполнявшего арестный лист, часто отсутствовала. Однако обязательно присутствовали год, месяц и день составления этого документа.

В 5-й графе обвиняемый указывал род своей деятельности на момент ареста, другими словами, здесь нашла свое отражение реальная трудовая занятость человека. В графе 6-й отражались навыки, полученные в ходе обучения или длительного занятия чем-либо. Так, например, в арестном листе Григория Васильевича Швецова профессия указана как хлебопашец, а занятие — «чернорабочее дело»². Во время ареста он проживал на квартире в Барнауле и работал по найму на различных работах. До службы

в Голубом уланском полку и работы в городе Г.В. Швецов жил в деревне и занимался земледелием. Можно утверждать, что в большей степени этот молодой человек указал свое крестьянское происхождение, нежели профессиональную деятельность.

Более подробную информацию о человеке, дающем показания, содержит протокол допроса. Документ также имел установленный формуляр из 16 полей и «показаний по существу дела»:

1. Фамилия (прозвище).
2. Имя и отчество.
3. Лета и год рождения.
4. Происхождение.
5. Место рождения.
6. Местожительство.
7. Семейное положение.
8. Образование.
9. Имущественное положение.
10. Профессия и занятия в настоящий момент.
11. Род занятий до 1917 г.
12. Род занятий в период гражданской войны.
13. Партийность.
14. Судимость.
15. Отношение к обвиняемому.
16. Отношение к отбыванию военной службы.

Документ подписывался арестованным и допрашивающим. Даты и должность лица допрашивающего обвиняемого проставлялись в начале протокола допроса.

В этом документе уже пять полей содержат информацию о деятельности, образовании и происхождении допрашиваемого. Протокол допроса по своему назначению не предназначен для анализа профессиональной деятельности человека. Его целевое назначение — сбор информации от обвиняемого и других свидетелей по сути обвинения. Тем не менее очевидно, что органы ОГПУ были заинтересованы, кроме всего прочего, в сборе информации и о характере деятельности дающих показания, а следовательно, о благонадежности этих лиц и «достоверности» их показаний. Протокол допроса может быть использован для получения информации о профессиональной мобильности человека.

Если на ответы на вопросы о происхождении и образовании отводилось немного места и сведения порой вносились между

строками, то на пункты 10 и 12 отдавалось две строки. Очевидно, было важно понять, чем занимается человек в настоящее время и насколько его деятельности можно доверять. Особое внимание к деятельности человека в период гражданской войны связано с выявлением участвовавших в антибольшевистском движении или в каком-то ином неблагоприятном с точки зрения большевиков виде деятельности.

Тем не менее при самых, казалось бы, благонадежных видах деятельности обвиняемый мог быть осужден. В частности, это произошло с Александрой Георгиевной Раковской. Будучи по происхождению из семьи служащих, А.Г. Раковская получила высшее образование на математическом факультете Педагогического института в Румынии. До 1917 г. была профессором по математике. В период гражданской войны на Украине в Одессе и в Москве состояла в румынской группе большевиков на различных должностях, а на момент допроса в Барнауле работала медсанработником³. Причиной же ареста стало участие в троцкистской группе. Удивительно, что А.Г. Раковская, прибывшая 5 сентября 1929 г. в Барнаул вслед за мужем, получившем сюда перевод из Саратова, была арестована уже в июне 1930 г., но за все время пребывания в г. Барнауле она даже не попыталась работать по своей основной профессии — учителя математики, что ей вполне позволяло сделать образование. В то же время медицинская сфера в данном случае была выбрана ею отнюдь не случайно. Из текста допроса становятся известными факты ее активной деятельности в организации «Красный крест и полумесяц» в Париже и Москве. Очевидно, приобретенные навыки позволили ей в 50 лет сделать осознанный выбор в пользу работы санитаркой. Только 26 мая 1934 г. А.Г. Раковская была досрочно освобождена с правом свободно проживать на территории СССР. Дальнейшая ее деятельность нам неизвестна.

Учитывая тот факт, что протоколы допросов составлялись по показаниям обвиняемого и свидетелей, мы обладаем уникальной возможностью проследить профессиональную и социальную мобильность значительного числа людей. Дополнительным источником для этого является регистрационная карточка заключенного. Она заводилась в местах заключения, сведения давались со слов заключенного по 13 пунктам. В случае дачи неверных данных заключенный подвергался взысканию. Регистрационная

карточка представляет особый интерес по некоторым полям, которые, с одной стороны, дублируют информацию других документов, но с другой — существенно их дополняют.

1. Фамилия (указывались полностью фамилия, имя и отчество).
2. Возраст или год рождения.
3. Национальность.
4. Происхождение (до революции).
5. Место рождения (вписывался населенный пункт, волость и губерния).
6. Адрес (имеется в виду последний на момент ареста).
7. Место службы (указывалось последнее место службы).
8. Образование (общее и специальное).
9. Социальное положение (пункт предполагал указание положения на момент ареста с указанием размера капитала, наличных, недвижимость и доход с нее до революции. Однако это поле заполнялось всегда крайне скудно, и сведения из этого пункта не могут быть полноценно использованы в исследовании).
10. Какие должности занимал на государственной службе до Октябрьской революции и сколько времени.
11. В каких общественных организациях состоял (имелось в виду членство в партии, профессиональном союзе или кооперативе).
12. Семейное положение (указывались имена ближайших родственников и их место жительства. В анкетах, как правило, указывались только члены семьи).
13. Содержался ли в тюрьме (вписывалась дата, причина и срок).
Подписывалась карточка только заключенным.

Пункты 4 и 9 регистрационной карточки заключенного отражают социальную мобильность, через указание своего происхождения от рождения по роду деятельности главы семьи и своего настоящего социального положения. В некоторой степени эти данные могут быть использованы как дополнительные или поправочные к соответствующим пунктам протокола допроса, так как в протоколе допроса нет пункта о социальном положении, а только пункт о происхождении. В регистрационной карточке Павла Кирилловича Денисова указывается, что он по происхождению казак (хотя первоначально вписал себя как крестьянин, но потом исправил данные этого пункта), а социальное положение определил как крестьянин⁴. Таким образом, налицо изменение со-

циального статуса человека. Часто это было следствием изменения профессии или рода деятельности человека. Можно предположить, что под угрозой возможных взысканий заключенный был предельно внимателен при заполнении пунктов карточки. Впрочем, не исключается и фактор принуждения, хотя в данном случае он играл уже меньшую роль, чем в процессе дознания и следствия. Профессиональная деятельность отражена только в графах 7 (служба на момент ареста) и 10 (служба до революции). При этом интересно, что в 10-й графе акцентируется внимание на деятельности именно на государственной службе. В карточке все того же П.К. Денисова невозможно отследить по этим полям смену его деятельности. В пункте 7 он указывает, что сейчас не служит по состоянию здоровья. Очевидно, заключенный понял этот пункт как нахождение на военной службе. Весьма скудно заполнен пункт 10, где осужденный написал только то, что находился на военной службе, но не указал где и как долго.

Несколько отличается от всех рассмотренных документов форма анкеты для арестованных и задержанных с зачислением за ОГПУ. Она состоит из двух частей. Первая заполнялась заключенным, а вторая — администрацией места заключения. Уникальность данной анкеты в том, что в ней указывался состав семьи, место жительства и место работы каждого члена (отца, матери, детей, мужа, жены, братьев и сестер). Такой подробной и ценной информации о членах семьи в других документах мы не встречаем. По самому заключенному собиралась информация по пунктам «профессия» и «место работы: а) с начала войны до 1 марта 1917 г.; б) с 1 марта 1917 г. по день ареста». Важно, как определял себя заключенный, с какой профессией он себя идентифицировал. В анкете на Льва Семеновича Сосновского указана профессия «литератор», а места работы и службы указаны в следующем порядке: председатель областного комитета партии, председатель областного Уральского совета и только в последнюю очередь — ответственный сотрудник «Правды»⁵.

Кроме документов, касающихся непосредственно следственного процесса, в архивно-следственные дела подшивались дополнительные документы: временные трудовые свидетельства, анкеты. В рамках рассматриваемого периода каждый документ имел установленную форму и составлялся отдельно на буржуазию, интеллигенцию, служителей культа, иностранных подданных.

Учитывая такой пристальный интерес к каждой отдельной социальной группе, анкеты очень разнятся по своему содержанию. Это в значительной степени затрудняет работу по сопоставлению данных и требует некой унификации при их обработке.

В первых большевистских законодательных актах неоднократно подчеркивалось, что «рабочее и крестьянское правительство республики ставит своей непосредственной задачей привлечение всех граждан ко всеобщей трудовой и воинской повинности». А любая всеобщая повинность предполагает тотальную регистрацию, и военнообязанных переписывали вместе с трудоспособными. Всякий занесенный в списки гражданин мог быть мобилизован на различные работы: от уборки снега до заготовки дров. Принятая в июле 1918 г. Конституция придала всеобщей трудовой повинности характер общегосударственного закона. Таким образом, свидетельство о труде на благо государства должно было стать чуть ли не основным документом. Тем не менее первыми, кто получил трудовые книжки, были классово чуждые элементы. Декрет о трудовых книжках для нетрудящихся был издан СНК 5 октября 1918 г. В этом документе говорилось, что поскольку труд является обязанностью граждан республики, то вместо паспортов и прочих удостоверений личности теперь будут использоваться трудовые книжки. В перспективе трудовые книжки собирались выдать всем гражданам страны, но в первую очередь их должны были получить нетрудящиеся элементы, к которым были отнесены:

1. Лица, живущие на нетрудовой доход, поступления с имущества, проценты с капитала.
2. Лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли.
3. Члены советов и правлений акционерных обществ, компаний и всякого рода товариществ и директора этих обществ.
4. Частные торговцы, биржевые маклеры, торговые и коммерческие посредники.
5. Лица так называемых свободных профессий, если они не выполняют общественно полезных функций.
6. Всякие лица, не имеющие определенных занятий. Например, «бывшие офицеры, воспитанники юнкерских училищ и кадетских корпусов, бывшие присяжные поверенные и их помощники, частные поверенные и прочие лица данной категории...».

Поскольку речь шла о нетрудящихся, в трудовую книжку вносились сведения о выполнении возложенных на «нетрудящийся элемент» общественных работ. Невзрачная, из серого картона, трудовая книжка получила название «Временное трудовое свидетельство для буржуазии» — типовой документ, заменявший паспорт, с фотографией⁶. В верхнем правом углу этого бланка была надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а в верхнем левом — «Кто не работает, да не ест».

В своей монографии Е.И. Овсянкин отмечает, что «...в делах исполкомов до сих пор хранятся тщательно подшитые декреты и предписания, пересланные от имени исполкома уездного совета. Среди них «О регистрации буржуазии» с приложением специального удостоверения для представителей этого класса, «О взимании штрафов и контрибуции местными советами», «О заложниках», «Об обложении сельских хозяев натуральными налогами» и многие другие <...> Для деревенских активистов на первых порах совершенно непонятными были сами новые понятия: «буржуазия», «кулак» и тем более «пролетариат». Поэтому абсолютное большинство исполкомов в ответ на требования присылать сведения о местной буржуазии отвечали однозначно: «буржуазии в волости нет». Так и подшиты до сих пор в делах исполкомов хорошо оформленные, но незаполненные «Временные трудовые свидетельства для буржуазии»⁷.

Как отмечает М. Меерович, «...структура и содержание трудовой книжки (за исключением нескольких первых пунктов) близки к структуре и содержанию будущего удостоверения личности образца 1927 г.»⁸ Нельзя не согласиться и с тем, что парадоксальное наименование книжки для «нетрудящихся» — «трудовой» — оказывается таковым лишь на первый взгляд. По сути же оно абсолютно правильное, так как введением подобных книжек власть осознанно и сурово принуждает «нетрудящихся» именно к труду. Сбой в регулярном исполнении «нетрудящимся лицом» трудовых повинностей (и, как следствие, сбой в ежемесячном заполнении трудовой книжки) приводит его в полностью бесправное и безысходное положение — к утрате возможности передвигаться в пределах города, даже выйти из дома, не говоря уж о возможности получать продуктовые карточки и питаться. Не имеющие трудовой книжки могли быть оштрафованы на 1000 руб. или же подвергнуты тюремному заключению на срок до полугода.

Временное трудовое свидетельство представляло собой формуляр с 15 полями:

1. Имя. Отчество. Фамилия.
2. Род занятий до революции.
3. Звание до революции.
4. Имущественное положение.
5. Возраст или время рождения.
6. Место рождения.
7. Место постоянного жительства.
8. Семейное положение.
9. Лица, внесенные в трудовое свидетельство.
10. Отношение к отбыванию красноармейской повинности.
11. На основании каких документов выдано трудовое свидетельство.
12. Кем выдано.
13. Род порученной работы (проставлено семь подпунктов для заполнения).
14. Прописка (требующая указание губернии, уезда, селения или города, улицы, номера дома, квартиры, где и кем прописан, день, месяц и год прописки, подпись прописавшего).
15. Ежемесячная отметка о выполнении работы (указывались месяц, число и заверялись подписью).

В верхнем левом углу размещали фотографию (часто она просто пришивалась за углы к бланку свидетельства). Правовую силу документу давало проставление печатей на край фотографии и на 12 пункт.

Пролетариат стал получать трудовые книжки лишь после того, как в декабре 1918 г. ВЦИК принял Кодекс законов о труде, согласно которому «каждый трудящийся обязан иметь трудовую книжку, в которую заносятся отметки о произведенных им работах и полученных вознаграждениях и пособиях». Эти трудовые книжки уже не заменяли собой паспорта. Сюда лишь вносились сведения о работе, зарплате и наградах. Теоретически трудовые книжки должны были получить все трудящиеся, однако крестьяне, конечно же, в виду не имелись. Но и не все пролетарии получили эти трудовые книжки. Законодательные акты о введении трудового документа издавались с завидной регулярностью. В 1924 г. ввели трудовые карты, в 1926 г. на смену им пришли трудовые списки. При этом обыватели, которым выдавали новые

бумажки, были в панике, поскольку для заполнения трудового списка требовалось документально подтвердить все этапы прохождения службы. И это в стране, где во время революции и гражданской войны погибло огромное количество ведомственных архивов! Далеко не все служащие имели возможность подтвердить сообщаемые ими сведения документально, поэтому предусматривалась возможность записей со слов работника. В этих случаях в список вносилось уточнение: «Не подтверждено документами». Инструкции позволяли вносить эти неподтвержденные сведения в трудовые списки, но при исчислении стажа эти сведения в расчет не принимали. Забавно, что документально подтвержденная служба царскому правительству засчитывалась в трудовой стаж, а вот полученные за ту же службу царские награды не признавались.

Трудовой список очень напоминал дореволюционные формулярные списки и даже имел перед своим предшественником некоторые преимущества. Так, например, причины увольнения вносились сюда лишь по просьбе работника. А внесение в трудовой список сведений, порочащих работника, было запрещено. Где составители трудовых списков проявляли бдительность, так это при определении социального положения работников. На этот счет существовала целая инструкция, которая гласила:

«Социальное положение служащего определяется по состоянию в момент вступления в советский государственный аппарат, причем:

а) к группе «рабочие» относятся лица, проработавшие до вступления в советский государственный аппарат непрерывно не менее трех лет на производстве, в сельском хозяйстве или на транспорте в качестве работников наемного физического труда;

б) к группе «крестьяне» относятся лица, занимавшиеся до вступления в советский государственный аппарат не менее трех лет сельским хозяйством, скотоводством, охотничьим промыслом или рыболовством при условии или ведения самостоятельного (не по найму) хозяйства или участия личным трудом в коллективном хозяйстве, а также в хозяйстве своих родителей или родственников;

в) к группе «служащие» относятся лица, прослужившие до вступления в государственный советский аппарат в общей сложности не менее трех лет в государственных или частных учреждениях».

Временное трудовое свидетельство встречается не только в архивно-следственных делах, но и в других фондах⁹.

Для 1920-х гг. характерно наличие анкет для всех социальных слоев общества. Анкеты отражали различные стороны деятельности опрашиваемого. Такие анкеты заполнялись при приеме на работу, в ходе следствия о свидетелях и обвиняемых, дающих показания, а также для регистрации и т.д. Анкета не выполняла функцию удостоверения личности, а выступала в некотором роде как характеристика человека.

Сравним информационные поля анкет, предназначенных для различных социальных групп (табл. 1)

Более подробной выглядит анкета для иностранных подданных, находящихся на территории РСФСР (32 вопроса). Наибольший интерес представляют вопросы: «профессия и какие знаете специальности», «род занятий на родине», «по какому делу прибыл», «бывшее сословие (крестьянин, мещанин, дворянин, граф, барон)», «адрес учреждения, в котором служите», «имущественное положение», «имущественное положение близких родственников», «месячный оклад и доход до революции», «где находились и чем занимались: а) до 27 февраля 1917 г.; б) от 27 февраля до 25 октября 1917 г.; в) после Октябрьской революции в момент, когда Сибирь была взята белыми; г) на военной службе, в какой части войск, в каком чине, звании и сколько времени; д) на гражданской службе (где когда и в каком чине)». Так же как и другие анкеты, эта заполнялась и подписывалась опрашиваемым. По этим данным можно составить профессиональный портрет иностранного подданного. К примеру, Владислав Людвигович Тхоршевский, 55 лет, по национальности поляк. Профессия на родине — кондитер. В Россию прибыл на заработки. До революции месячный доход составлял в пределах 75 руб. Служил заведующим лесопильным заводом на стройке Алтайской железной дороги до 27 февраля 1917 г. После Октябрьской революции в качестве десятника руководил лесными заготовками на ст. Баюново¹⁰.

Практически на всех анкетах в конце формы значится предупреждение о том, что «лица, давшие неправильные показания, будут подвергнуты строжайшей ответственности», «на все составленные вопросы необходимо ответить точно, ясно и правдиво. Уличенные в заведомой лжи будут привлечены к законной ответственности».

Таблица 1

**Сравнение информационных полей
анкет для интеллигенции
и служителей культа**

Анкета для интеллигенции (на 1920 г.)	Анкета для регистрации служителей культа всех вероисповеданий (на 1922 г.)
Фамилия, имя, отчество	Фамилия, имя, отчество
Губерния, уезд, волость, село	Происхождение (<i>указывалось социальное положение, занятие и место прописки</i>)
Возраст	Возраст и год рождения
Образование	Образование
Состав семьи	Род занятий до поступления на духовную службу
Местожительство семьи	Время первоначального вступления в духовную службу
Занимал ли должность в царской армии, какую, когда	Духовный стаж (<i>расписывался весь трудовой стаж с указанием должности, места работы, годы службы, в каком возрасте поступал на службу</i>)
Какую должность занимал в Колчаковской армии, в какой части	Если в духовной службе состоял непостоянно, то указать, чем занимался во время перерыва, где и когда
Вступил в Колчаковскую армию добровольцем или мобилизован	Какие общественные обязанности или работы исполнял попутно, по совместительству с духовной службой, где и когда
Принимал ли участие в карательных отрядах	Когда и какие награды получены
Профессия в мирное время	Когда, каким и за что подвергался административным или судебным взысканиям

Окончание таблицы 1

Анкета для интеллигенции (на 1920 г.)	Анкета для регистрации служителей культа всех вероисповеданий (на 1922 г.)
Занимал ли какие-либо выборные должности в общественных учреждениях, Думах, Советах, когда и какие	В каких организациях, союзах, кружках и партиях состоял, где, когда и сколько времени
Состоял ли когда-либо членом политической партии, какой, с какого времени	Какое участие принимал в литературной работе, где, когда и в каких организациях
Если выбыл из партии, то по каким причинам	Какие выполняете общественные обязанности в настоящее время помимо занимаемой должности по выборам или назначению
Подвергался ли преследованию при царе, Керенском, Колчаке, за что	Каков Ваш взгляд на отделение церкви от государства и школы от церкви
Какую помощь может оказать Советской России в борьбе с Колчаком	Каково Ваше отношение к вопросу об изъятии церковных ценностей на дело помощи голодающим
	В чем проявилось указанное Вами отношение к изъятию ценностей на практике
	Каково Ваше отношение к позиции патриархов Тихона и Сидора
	Где и в каком учреждении хранится Ваш формулярный список
<i>Подписывался сам анкетиремый</i>	<i>Подписывался анкетиремый. Его подпись заверял своей подписью получивший сведения</i>

Архивно-следственные дела включают более разнообразный видовой состав документов, но и для характеристики профессионального состава граждан, проходивших по следствию как обвиняемые или свидетели, круг документов представлен в достаточно

полном объеме. Безусловно, некоторые из них, особенно это относится к анкетам, временным трудовым свидетельствам, трудовым спискам, могут встречаться в различных фондах советского периода. Однако они очень разрозненны и требуют дополнительной работы по выявлению.

Основные проблемы, с которыми сталкивается исследователь при обращении к архивно-следственным делам, — срок давности, защита персональной информации, тайна личной жизни, наличие сведений о проходящих по делу свидетелях и третьих лицах. При условии соблюдения всех этих требований обращение к документам возможно в случае истечения срока давности (75 лет), по доверенности родственников.

Проблема доступа к персональным данным может быть отчасти преодолена исследователем благодаря документальным публикациям, посвященным памяти жертв политических репрессий. Ценность этого агрегированного источника в комплексности, достаточной полноте и количественной представительности. Информационные возможности документальной публикации уже рассматривались как потенциальный источник по истории религиозных организаций, политических репрессий юга Западной Сибири¹¹. Однако профессиональной характеристики репрессированных до сих пор не давалось. Профессия и/или род деятельности часто рассматривались как дополнительная информация.

Сравнительный анализ персональных данных по «Книгам памяти жертвам политических репрессий», изданным в Алтайском крае, Кемеровской и Томской областях, показывает, что в целом данные по Западной Сибири совместимы (табл. 2)¹².

Персональная информация за интересующий нас хронологический период с 1919 по 1930 г. отражена в первом и отчасти в последнем, седьмом, томе документальной публикации «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае»¹³. Работу над этой книгой проводил авторский коллектив ученых, архивистов, представителей УФСБ по Алтайскому краю и прокуратуры Алтайского края, а также администрации края и краевого Совета народных депутатов. Издание книги стало возможным еще и потому, что практически сразу после приема на государственное хранение архивно-следственных дел на осужденных по политическим мотивам граждан отдел специальной документации

Таблица 2

**Структура биографических справок
в Книгах памяти жертвам политических репрессий
Алтайского края, Томской и Кемеровской областей**

Персональная информация	Алтайский край	Кемеровская область	Томская область
Фамилия, имя, отчество	+	+	+
Год рождения	только год	+	+
Место рождения	только губерния, иногда город или страна	+	+
Национальность	+	+	+
Место жительства на момент ареста	+	с указанием в городах улицы, номера дома и квартиры	с указанием в городах улицы, номера дома и квартиры
Место и/или род работы на момент ареста	+	+	+
Дата ареста	полная	полная	только год
Когда, каким органом и по какой статье (статьям) осуждён	+	+	—
Мера наказания	+	+	+
Когда и каким органом реабилитирован	+	—	—

управления архивного дела администрации края начал создавать базу данных на репрессированных по ст. 58 УК РСФСР, которая и легла в основу всех списков репрессированных и реабилитированных граждан.

Книга построена по хронологическому принципу — по году применения репрессий. Основную часть каждого тома составляют

биографические справки на репрессированных, содержащие следующую информацию:

- фамилия, имя, отчество, год и место рождения, национальность;
- род занятий, должность или социальная принадлежность;
- место работы и жительства перед арестом;
- дата ареста;
- каким органом и за что осужден, а также мера наказания;
- каким органом и когда реабилитирован.

Отметим особенности заполнения в документальной публикации данных о профессии или занятиях репрессированных. В этой части биографической справки указывались род занятий, должность или социальная принадлежность. Профессиональная деятельность на момент ареста составлялась по следующим основным принципам.

Место работы заполнялось по анкете арестованного. Оно также уточнялось по другим документам дела, содержащим биографические данные репрессированного. Название предприятия (учреждения), на котором работал репрессированный, записывалось как полностью, так и в сокращенном виде. Если в анкете дана аббревиатура, она уточнялась по протоколам допросов обвиняемого или свидетелей, в характеристиках или справке с места работы и выносилась в список сокращений.

Для крестьян, работающих в собственном хозяйстве, вносилась, как правило, запись «Единоличник»; для колхозников — название колхоза.

Для военнослужащих указано полное наименование воинской части, в какое соединение она входит.

Для учащихся часто дается полное наименование учебного заведения.

Для пенсионеров и безработных использована запись «не работал(а)».

Для заключенных указывается наименование лагеря или (если названо) предприятия, стройки, прииска, леспромхоза, совхоза и т.п. — места принудительных работ.

В тех случаях, когда в деле нет сведений о роде занятий и месте работы, была выбрана формулировка — «без определенных занятий».

Предварительный анализ документальной публикации «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае» позволяет сделать вывод о ее репрезентативности в исследовании профессиональной структуры населения. Только за период с 1919 по 1930 г. в публикации даны биографические статьи по 5018 чел. Репрессии часто подвергались родственники, что позволяет проанализировать по ряду фактов устойчивость или мобильность деятельности членов семьи. В целом комплекс архивно-следственных дел является ценным источником для изучения профессионального состава населения.

Примечания

- ¹ Бородкин Л.И. Ударники из «социально-опасных»: стимулирование лагерного труда в 1930-х гг. // Экономическая история. Обзорение. М., 2005. Вып. 11. С. 130 – 141; Бородкин Л.И., Сафонова Е.И. Государственное регулирование трудовых отношений в годы нэпа: формирование системы мотивации труда в промышленности // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Бородинки. М., 2000. Вып. 5. С. 23 – 46; Гарскова И.М. Эволюция трудовых отношений в российской промышленности (1880-е — 1920-е гг.): разработка комплексного тематического электронного ресурса // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение / Под ред. Д.О. Чуракова. М.: Эдиториал УРСС, 2004. С. 105 – 113; Ильюхов А.А. Советская модель всеобщего труда в 1918 – 1922 гг. // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение / Под ред. Д.О. Чуракова. М.: Эдиториал УРСС, 2004. С. 182 – 198; Депретто Ж.-П. Официальные концепции рабочего класса в СССР (1920 – 1930-е гг.) // Экономическая история. Обзорение. М., 2001. Вып. 7; Ван дер Линден М. Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения // Социальная история: Ежегодник. 2000. М.: РОССПЭН, 2000. С. 206 – 218.
- ² ОСД УАДАК. ФР. 2. Д. 4610. Л. 10.
- ³ ОСД УАДАК. ФР. 2. Д. 4595. Л. 4 – 5 об.
- ⁴ ОСД УАДАК. ФР. 2. Д. 24104. Л. 18.
- ⁵ ОСД УАДАК. ФР. 2. Д. 22307. Л. 11 – 11 об.
- ⁶ Дьяченко Ю.С. Развитие винокуренной и пивоваренной промышленности на Алтае в 20-е гг. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Четвертые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина / Под ред. В.А. Скубневского и Ю.М. Гончарова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. II. С. 327.
- ⁷ Овсянкин Е.И. Огненная межа. Архангельск: Архкон-салт. 1997. 189 с.

- ⁸ Меерович М. Кто не работает, тот не живет. Жилищная политика как инструмент управления социальными изменениями: опыт России (1917 – 1941 гг.) // Кентавр. 2004. № 34; Он же. Хозяйство. Города. Власть: как это было сделано в СССР // Кентавр. 2001. № 26. С. 49 – 56.
- ⁹ ЦХАФАК. Ф. 212. Д. 1278. Л. 270.
- ¹⁰ ОСД УАДАК ФР. 2. Д. 11480. Л. 5 – 5об.
- ¹¹ Иванов К.Ю. Информационные возможности «Книг Памяти жертв политических репрессий» для восстановления истории религиозных организаций юга Западной Сибири // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XIII – XX вв.: Материалы конф., посвящ. памяти профессора А.А. Говоркова / Под ред. А.Н. Жеравиной. Томск, 2003. С. 203 – 208; Колесников А.А. Архивно-следственное дело как источник по истории политических репрессий 1919 – 1922 гг. (по следственным материалам Алтайской губ ЧК) // III Научные чтения памяти Ю.С. Булыгина: Сб. науч. тр. / Под ред. Ю.М. Гончарова, В.Н. Владимиров. Барнаул: Аз Бука, 2005. С. 13 – 18.
- ¹² Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. I: 1919 – 1930. Барнаул, 1998; Книга Памяти жертв политических репрессий Кемеровской области. Кемерово, 1995. Т. 1; Кемерово, 1996. Т. 2; Боль людская: В 5 т. Томск, 1991, 1992, 1994, 1999.
- ¹³ Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Управление архивного дела Алтайского края. Т. I (1919 – 1930 гг.). Барнаул, 1998; Т. VII (1920 – 1965 гг.). 2005. 373 с.